

НАРОД КАК СОЗДАНИЕ ИСКУССТВА¹

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского проекта № 11-14-21010 а/В*

В 1946 г. вышла книга «Русские писатели о чувашах»². Составитель – писатель Ф. Уяр (1914 – 2000). В книгу включены тексты А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, С. Есенина, В. Маяковского, других авторов или выдержки из их произведений. Через год книга, изданная тиражом десять тысяч экземпляров, была репрессирована, поскольку в ней оказались опубликованными тексты белоэмигрантов В.И. Немировича-Данченко и Е.Н. Чирикова.

В 2009 г. в Чувашском книжном издательстве состоялось, согласно титульному листу, второе дополненное издание сборника³. Между тем ему уже предшествовал скорее неудачный эпизод с переизданием этой книги в двух томах издательством Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова под другим названием – «Чуваши в русской литературе и публицистике»⁴. Однако книга осталась незамеченной.

Составитель книги «Русские писатели о чувашах» в предисловии второго издания замечает: «Мне сейчас много-много лет. И поныне читаю и собираю материалы о своем народе. Я собирал эти материалы всю жизнь. И еще на примете книг десять-двенадцать. А, может, и больше. Кажется, что забыл рассказа два-три Александра Неверова. Чудится, что должны быть они у Дмитрия Мамина-Сибиряка. Наверняка, есть у современных исторических романистов»⁵.

И представляется возможным составление нового, не менее объемного тома книги, включающей произведения писателей разных народов – финно-угорских, тюркских, иных, и, конечно, нововыявленные тексты русских авторов. Возможное название следующей книги, отвечающее заложенной Ф. Уяром традиции, – «Иноязычные писатели о чувашах».

Отражение чувашского народа в зеркале иноязычной художественной литературы, – это возможность посмотреть на себя – на свой народ, – со стороны, выразительное средство поддержания национального самосознания.

Данная коллекция иноязычной литературы о чувашах содержит лишь небольшую часть – русскую, представленную нововыявленными текстами.

---

¹ Заглавие по Д.С. Лихачеву: «Можем ли мы характеризовать народ по его недостаткам? Ведь когда пишется история искусств, в нее включаются только высшие достижения, лучшие произведения. По произведениям посредственным или плохим нельзя построить историю живописи или литературы. Если мы хотим получить представление о каком-либо городе, мы ознакомимся прежде всего с его лучшими зданиями, площадями, памятниками, улицами, лучшими видами, «городскими ландшафтами». Иное дело, когда мы знакомимся с отдельными людьми – с медицинской или нравственной их стороны. Мы же подходим к представлениям о народе. Народ как создание искусства <...>. О каждом народе следует судить по тем нравственным вершинам и по тем идеалам, которыми он живет» [Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М. : Дет. лит., 1989. – С. 118 – 119].

² Русские писатели о чувашах = Вырӑс писателӗсем чӑвашсем сӑнчен / сост. Ф. Уяр, И. Мучи ; под ред. и с предисл. И. Н. Суягина. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1946. – Вып. 1. – 399 с.

³ Русские писатели о чувашах / сост., вступит. ст. Ф. Е. Уяра ; коммент. Г. И. Федорова ; послесл. В. Г. Родионова. – 2-е изд., доп. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. – 589 с.

⁴ Чуваши в русской литературе и публицистике : в 2-х т. / сост. Ф. Уяр ; предисл. и редактирование Г.И. Федорова, А. П. Данилова ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2001 – 2002.

⁵ Уяр Ф. Как создавалась эта книга / У. Федор // Русские писатели о чувашах. – Чебоксары, 2008. – С. 8.

Из дневников. За 1857 г.²

17 сентября 1857.

Вчера мне ничто не удалось. Поутру начал рисовать портрет Е.А. Панченка, домашнего медика А. Сапожникова³. Не успел сделать контуры, как позвали завтракать. После завтрака пошел я в капитанскую светелку с твердым намерением продолжать начатый портрет, как начал открываться из-за горы город Чебоксары. Ничтожный, но картинный городок. Если не больше, так по крайней мере на половину будет в нем домов и церквей. И все старинномосковской архитектуры. Для кого и для чего они построены? Для чувашей? Нет, для православия. Главный узел московской старой внутренней политики – православие. Неудобозабываемый Тормоз по глупости своей хотел затянуть этот ослабевший узел и перетянул. Он теперь на одном волоске держится.

Когда скрылися от нас живописные грязные Чебоксары, я снова принялся за портрет. Но принялся вяло, неохотно. Принялся для того, чтобы его кончить, и кончил, разумеется, скверно.

А. ДЮМА-ОТЕЦ⁴

Путевые впечатления. В России⁵

Начиная с деревни Лисково⁶, нам стали встречаться представители какой-то новой народности. Они походили на цыган и говорили на особом языке – не русском, не татарском и не калмыцком. Единственное занятие этих несчастных – тянуть волоком торговые суда... За 12 часов труда они получают 12 копеек...

---

¹ Шевченко Тарас Григорьевич (1814 – 1861) – украинский и русский художник, поэт, прозаик, этнограф, академик Российской Императорской академии художеств (1860), основатель украинской литературы и современного украинского литературного языка.

² Т.Г. Шевченко, возвращаясь в Петербург из ссылки на Мангышлакский полуостров, на пароходе «Пожарский» проехал мимо Чебоксар.

Настоящий фрагмент содержится в первом издании книги «Русские писатели о чувашах» (1946), но исключен из второго (2009). Видимо, научные редакторы приняли Т.Г. Шевченко исключительно за украинского автора.

³ Сапожников Алексей Александрович – астраханский рыбопромышленник и миллионер. Был знаком с Т.Г. Шевченко со времен, когда еще жил в Петербурге.

⁴ Дюма Александр (1802 – 1870) – всемирно признанный французский писатель, драматург, журналист. Автор историко-приключенческих романов «Граф Монте-Кристо», «Три мушкетера», «Королева Марго», «Графиня де Монсоро» и др.

⁵ А. Дюма в 1858 – 1859 гг. жил в России. Здесь им написаны «Письма из Санкт-Петербурга», «Путевые впечатления. В России», «Кавказ».

«Поездка А. Дюма в Россию стала возможной только после смерти Николая I. «Обедая как-то у графа Кушелева-Безбородко, который со своей семьей путешествовал по Европе, разговор зашел о России, и граф пригласил Дюма поехать вместе с ним в Россию. Естественно, долго уговаривать этого вечного путешественника не пришлось, и уже несколько дней спустя он на поезде поехал в Германию для того, чтобы оттуда плыть на пароходе в Петербург. <...> Проведя в Петербурге полтора месяца, он едет в Москву, затем путешествует по Волге, в Нижнем Новгороде Муравьев, бывший декабрист, а ныне губернатор города представляет Дюма графу Анненкову и его жене, прототипам его романа “Учитель фехтования”, которые, после тридцати трех лет ссылки в Сибири, в конце концов были помилованы, посещает Казань, Саратов, Волгоград, Астрахань, Калмыкию, Кавказ» [Дюма и Россия http://dumania.narod.ru/life/Dumas_in_Russia.html].

⁶ С. Лысково, с 1925 г. город Нижегородской области примерно в 80 км от Чувашии.

Они называются чувашаи, и у них, по уверениям капитана «Лоцмана», есть столица, именуемая Чебоксарами. Полагаю, что они принадлежат к финским народам; почти все они христиане. Их одежда состоит из суровой холщевой рубахи, вышитой красным, и штанов, доходящих до колен. Я всегда их видел простоволосыми и босыми.

В.Н. ВОЙНОВИЧ¹

Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина²

По поводу личности самого Чонкина толки были самые противоречивые. Одни говорили, что Чонкин – это уголовник, бежавший из тюрьмы вместе со своими товарищами. Другие спорили, что Чонкин – белый генерал, который последнее время жил в Китае, а теперь вот напал на Советский Союз, собирает он несметное войско, и к нему отовсюду стекаются люди, обиженные советской властью.

Третьи опровергали две предыдущие версии, утверждая, что под фамилией Чонкин скрывается сам Стали, бежавший от немцев. Рассказывали, что его охрана состоит исключительно из лиц грузинской национальности, а баба у него русская, из простых. Еще рассказывали, что Сталин, увидя, какие порядки творятся в районе, пришел в сильное негодование. Он вызывает к себе всевозможных начальников и сурово наказывает их за вредительство. В частности, арестовал и приказал тут же расстрелять полностью личный состав все, Кого Надо, во главе с самим капитаном Милягой.

Циля Сталина принесла ту новость из очереди за керосином.

– Мойша, ты слышал? – сказала она мужу, который у окна заколачивал гвозди в подметку. – Люди говорят, что какой-то Чонкин расстрелял твоего знакомого гою.

– Да, я слышал, – вынув изо рта гвозди, сказал Моисей Соломонович. – Это был интересный молодой человек, и мне его очень жаль.

Циля пошла разжигать керосинку, но тут же вернулась.

– Мойша, – сказала она взволнованно, – а как ты думаешь, этот Чонкин – еврей?

Моисей Соломонович отложил молоток.

– Чонкин? – повторил он удивленно. – Мне кажется, это ихняя фамилия.

– Чонкин? – Циля посмотрела на мужа, как на глупого человека. – Ха! Он будет мне еще говорить! А как же тогда Ривкин и Зускин?

Возвратясь к керосинке, она сама себе не разные лады повторяла фамилию «Чонкин» и в сомнении качала седой своей головой.

---

¹ Войнович Владимир (1932 года рождения) – писатель, правозащитник. В 1981 г. был лишен гражданства СССР и выслан из страны. Жил в ФРГ. Восстановлен в гражданстве в 1990 г. В настоящее время живет и работает в России.

² «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» – роман-эпопея, состоит из трех книг: «Лицо неприкосновенное» (1963 – 1969), «Претендент на престол» (1979), «Перемещенное лицо» (2007). Слесарь из города Чебоксары упоминается в главе 25 книги «Лицо неприкосновенное».

Чтобы как-то нейтрализовать зловещие слухи, местная газета «Больше-вистские темпы» в разделе «Занимательная информация» поместила ряд любопытных сведений. Было рассказано, например, о тритоне, пролежавшем пять тысяч лет в замороженном виде и ожившем после того, как его отогрели; о том, что некий народный умелец, слесарь из города Чебоксары, выцарапал на пшеничном зерне полный текст статьи Горького «С кем вы, мастера культуры?» Но поскольку слухи продолжали распространяться, газета, стремясь направить умы по иному руслу, открыла на своих страницах дискуссию: «Правила хорошего тона – нужны ли они?»

С.Д. ДОВЛАТОВ¹

Заповедник²

Не менее яркой личностью был Стасик Потоцкий³. Родился он в городе Чебоксары. До шестнадцати лет не выделялся. Играл в хоккей, не задумываясь о серьезных проблемах. Наконец, с делегацией юных спортсменов попал в Ленинград.

В первый же день его лишила невинности коридорная гостиницы «Сokol». Ему повезло. Она была старая и чуткая. Угостила юниора вином «Алабашлы». Шептала ему, заплаканному, пьяному, влюбленному:

– Гляди-ка, маленький, а ебкий...

Потоцкий быстро уяснил, что на земле есть две вещи, ради которых стоит жить. Это – вино и женщины. Остальное не заслуживает внимания. Но женщины и вино стоят денег. Следовательно, надо уметь их зарабатывать. Желательно – без особого труда. И чтобы хорошо платили. И чтобы не угодить в тюрьму...

Он решил стать беллетристом. Прочитал двенадцать современных книг. Убедился, что может писать не хуже. Приобрел коленкоровую тетрадь, авторучку и запасной стержень.

Первое же его сочинение было опубликовано в «Юности». Рассказ назывался «Победа Шурки Чемоданова». Юный хоккеист Чемоданов много возомнил о себе и бросил учебу. Затем одумался. Стал прекрасно учиться и еще лучше играть в хоккей. Произведение заканчивалось так: «Главное – быть человеком, Шурка, – сказал Лукьяныч и зашагал прочь. Шурка долго, долго глядел ему вслед...»

---

¹ Довлатов Сергей Донатович (1941 – 1990) – писатель, журналист, мастер рассказа. Работал в газете «Советская Эстония», журнале «Костер», публиковался в журнале «Юность», эмигрантских «Континент», «Время и мы». В 1978 г. вынужденно эмигрировал в США.

² «Заповедник» – повесть. Первый вариант написан в Ленинграде в 1977 – 1978 гг., окончательный – в 1983 г. в Нью-Йорке. В том же году состоялась первая публикация в издательстве «Эрмитаж» в г. Энн-Арбор, Мичиган, США.

³ Прототипом Сергея Потоцкого, как и Владимира Митрофанова, принято считать научного сотрудника пушкинского заповедника Александра Буковского [Донецкий, А. В поисках псковского Довлатова : избранные цитаты из «Заповедника», комментарии и свидетельства прототипов / А. Донецкий // <http://culture.pskov.ru/ru/persons/object/85/publications/57>].

Рассказ был на удивление зауряден. Десятки и сотни его близнецов украшали молодежные журналы. К Потоцкому отнеслись снисходительно. Как провинциальный автор он, видимо, заслуживал скидки.

В течение года ему удалось напечатать семь рассказов и повесть. Сочинения его были тривиальны, идейно полноценны, убоги. В каждом слышалось что-то знакомое. От цензуры их защищала надежная броня литературной вторичности. Они звучали убедительно, как цитаты. Наиболее яркими в них были стилистические погрешности и опечатки: «В октябре Мишутко кануло тринадцать лет...» (рассказ «Мишуткино горе»). «Да будет ему земля прахом! – кончил свою речь Одинцов...» (рассказ «Дым поднимается к небу»).

«Не суйте мне белки в колеса, – угрожающе произнес Лепко...» (Повесть «Чайки летят к горизонту»).

Впоследствии Потоцкий говорил мне: «...Я – писатель, бя, типа Чехова. Чехов был абсолютно прав. Рассказ можно написать о чем угодно. Сюжетов навалом. Возьмем любую профессию. Например, врач. Пожалуйста. Хирург, бя, делает операцию. И узнает в больном – соперника. Человека, с которым ему изменила жена. Перед хирургом нравственная, бя, дилемма. То ли спасти человека, то ли отрезать ему... Нет, это слишком, это, бя, перегиб... В общем, хирург колеблется. А потом берет скальпель и делает чудо. Конец, бя, такой: «Медсестра долго, долго глядела ему вслед...» Или, например, о море, – говорил Потоцкий, – запросто... Моряк, бя, уходит на пенсию. Покидает родное судно. На корабле остаются его друзья, его прошлое, его молодость. Мрачный, он идет по набережной Фонтанки. И видит, бя, парнишка тонет. Моряк, не раздумывая, бросается в ледяную пучину. Рискуя жизнью, вытаскивает паренька... Конец такой: «Навсегда запомнил Витька эту руку. Широкую, мозолистую руку с голубым якорем на запястье...» То есть, моряк всегда остается моряком, даже если он, бя, на пенсии...»

Потоцкий сочинял один рассказ в день. У него вышла книга. Она называлась «Счастье трудных дорог». Ее доброжелательно рецензировали, мягко указывая на захолустное происхождение автора.

Стасик решил покинуть Чебоксары. Ему хотелось расправить крылья. Он переехал в Ленинград. Полюбил ресторан «Европа» и двух манекенщиц. В Ленинграде к его сочинениям отнеслись прохладно. Стереотипы здесь были повыше. Полная бездарность не оплачивалась. Талант настораживал. Гениальность порождала ужас. Наиболее рентабельными казались – «явные литературные способности». У Потоцкого не было явных способностей. Что-то мерцало в его сочинениях, проскальзывало, брезжило. Какие-то случайные фразы, отдельные реплики... «Перламутровая головка чеснока...», «Парафиновые ноги стюардессы...». Однако явных способностей не было. Издавать его перестали. То, что прощалось захолустному новичку, раздражало в столичном литераторе. Стасик запил, и не в «Европе», а в подвалах у художников. И не с манекенщицами, а со знакомой коридорной. (Теперь она продавала фрукты с лотка...)

Так он пьянствовал года четыре. Год отсидел за бродяжничество. Коридорная (она же – работник торговли) покинула его. То ли он избил ее, то ли обокрал...

Его одежда превратилась в лохмотья. Товарищи перестали одалживать рубли и уже не дарили бросовых штанов. Милиция снова грозила тюрьмой за нарушение паспортного режима. Кто-то надоумил его поехать в заповедник. Стасик воспрянул духом. Подготовился. Стал водить экскурсии. Причем, водил неплохо. Главным его козырем была доверительная интимность: «Личная трагедия Пушкина и сейчас отзывается в нас мучительной душевной болью...» Потоцкий украшал свои монологи фантастическими деталями. Разыгрывал в лицах сцену дуэли. Один раз даже упал на траву. Заканчивал экскурсию таинственным метафизическим измышлением: «Наконец после долгой и мучительной болезни великий гражданин России скончался. А Дантес все еще жив, товарищи...»

То и дело он запивал, бросая работу. «Бомбил» по гривеннику на крыльце шалмана. Собирал пустые бутылки в кустах. Спал на треснувшей могильной плите Алексея Николаевича Вульфа.

Капитан милиции Шатько, встречая его, укоризненно говорил: «Потоцкий, вы своим обликом нарушаете гармонию здешних мест...» Затем Потоцкий выдумал новый трюк. Он бродил по монастырю. Подстерегал очередную группу возле могилы. Дождался конца экскурсии. Отзывал старосту и шепотом говорил: «Антр ну! Между нами! Соберите по тридцать копеек. Я укажу вам истинную могилу Пушкина, которую большевики скрывают от народа!» Затем уводил группу в лес и показывал экскурсантам невзрачный холмик. Иногда какой-нибудь дотошный турист спрашивал:

– А зачем скрывают настоящую могилу?

– Зачем? – сардонически усмехался Потоцкий. – Вас интересует – зачем? Товарищи, гражданина интересует – зачем?

– Ах, да, я понимаю, понимаю, – лепетал турист...

Ко дню моего приезда Стасик был изнурен недельным запоем. Он выпросил у меня рубль и коричневые перфорированные сандалии. Затем рассказал драматическую историю:

– Дед, я чуть не разбогател. Я придумал исключительный финансовый трюк. Послушай, идея такова. Я знакомлюсь с каким-нибудь фрайером. У него машина, деньги, бля, и прочее. Мы берем одну, заметь – одну чувиху и едем на пленэр. Там мы вдвоем отмечаемся...

– Не понял.

– По очереди ее того... Утром я бегу к нему. «Дед, у меня закапало». Он в панике. Тогда я ему говорю: «Можно, бля, подействовать. Будет стоить всего лишь четвертак». Фрайер прыгает от радости. Я беру шприц с чистой водой из-под крана. Делаю укол в задницу ему и себе. Фрайер с благодарностью откидывает мне четвертак. И мы расстаемся друзьями. Чувиха получает колготки за семь рублей. Восемнадцать рэ чистой прибыли. Все было гениально задумано. Операция – «Фиктивный трипак»... И надо же, бля, сорвалось...

– То есть?

– Сначала все шло хорошо. Фрайер меня дико полюбил. Взяли коньяку, бутербродов. Я ангажировал Милку косоглазую из «Витязя»... Едем, бля, на пленэр. Киряем, отмечаемся. И что ты думаешь? Фрайер сам Прибегает наутро:

«Дед, – орет, – у меня с конца закапало!..» Садится, бля, в машину и уезжает. Я бегу в поликлинику к Фиме. Так, мол, и так. Фима говорит: »Двадцать пять рублей!..» Мама родная! Где их взять?! Всю Псковщину обегал, еле наскреб. Одиннадцать дней не пил... Потом, бля, разговелся... Ты как насчет этого?

– Насчет пленэра?

– Насчет портвейна.

Я замахал руками. Мне ведь – стоит только начать. Останавливаться я не умею. Самосвал без тормозов...

Стасик подкинул металлический рубль на ладони и ушел...

С.Д. ДОВЛАТОВ

ЗОНА (записки надзирателя)¹

17 мая 1982 года. Принстон

Как вы знаете, Шаламов считает лагерный опыт – полностью негативным...

Я немного знал Варлама Тихоновича через Гену Айги. Это был поразительный человек. И все-таки я не согласен.

Шаламов ненавидел тюрьму. Я думаю, этого мало. Такое чувство еще не означает любви к свободе. И даже – ненависти к тирании.

Советская тюрьма – одна из бесчисленных разновидностей тирании. Она из форм тотального всеобъемлющего насилия.

Но есть красота и в лагерной жизни. И черной краской здесь не обойтись.

В.П. АСТАФЬЕВ²

Печальный детектив³

Сошнин хотел пройти мимо Володи Горячева, но тот, видать, давно его заметил, кивнул и пошел рядом, глядя вдаль, в пустые небесные высоты. Пятна с его лица не сходили, он, как ему казалось, про себя матерно ругался.

– Вставь! Вставь в комедию! – цедил Горячев сквозь зубы. – Да не забудь в финале помянуть, что в главке теперь удовлетворят все наши заявки.

Этот сиятельный штымп всех нужных людей известит, что в Вейске принимают лучше, чем, скажем, в Чебоксарах. Лавочки своей у него нету. «Пограничник стоит на пастуху!» – поет мой Юрка, значит, у буржуев ничего не

---

¹ «Зона. Записки надзирателя» – повесть. Первая публикация состоялась в издательстве «Эрмитаж» в г. Энн-Арбор, Мичиган, США, в 1982 г.

² Астафьев Виктор Петрович (1924 – 2001) – писатель, Герой Социалистического Труда (1989), лауреат Государственных премий СССР (1978, 1991).

³ «Печальный детектив» – повесть. Первая публикация в 1987 г.

упрешь, у своего народа, в родном отечестве будет красть, химичить, отдаст нам предназначенные в Чебоксары скреперы, машины, дорожные вагончики, обеспечит технику запчастями. Мы выполним план по строительству жилья, досрочно сдадим птицефабрику, пустим свинокомплекс, достроим наконец театр юного зрителя! Всем будет хорошо: рабочим, крестьянам, интеллигенции. В Чебоксары же выговора за невыполнение плана полетят, кой-кого с работы вымут... Тьфу, распро... – плюнул под ноги Володя Горячев. – Когда это кончится, и кончится ли? – С отроческих лет, не глядя на настойчивые потуги Алевтины Ивановны, Володя Горячев так и не обрел солидности в поведении. Алевтина Ивановна, доживающая век у Володечки, при крутых его выражениях хватается за сердце и всем втолковывает, что он, как и дядя его родимый, распустился на руководящей работе, после академии с ним вовсе никакого сладу не стало, и изо всех сил пытается оградить от дурного влияния отца душу невинную и чистую – внука Юрочку.

И.С. КОН¹

80 лет одиночества²

«Беззаботное детство было разрушено войной. Осенью 1941 г. маму как медсестру послали сопровождать эшелон эвакуированных в Чувашию. По дороге наш эшелон обстреливали, но мне это не казалось страшным, наоборот, запомнились разноцветные трассирующие пули – красиво. Мы собирались через месяц вернуться, даже не взяли с собой теплых вещей, а застряли в Мариинском Посаде³ на три года. Было холодно и голодно. По карточкам выдавали только хлеб, ведро картофельных очисток стоило на рынке 40 рублей. Когда кто-то из ребят приходил в школу, наевшись чеснока, в памяти возникал запах колбасы, а описание колбасной лавки в «Чреве Парижа» вызывало настолько сильные желудочные переживания, что я не смог дочитать роман Золя.

Многие местные жители эвакуированных не любили, считая, что это из-за них все дорожает. А поскольку среди эвакуированных было много евреев, бытовая неприязнь оборачивалась антисемитизмом⁴. Был он и у нас в школе, но

---

¹ Кон Игорь Семенович (1928 – 2011) – советский и российский социолог, антрополог, философ, сексолог. Кандидат исторических наук (1950), доктор философских наук (1960), профессор (1963), академик Российской академии образования (1989).

² «80 лет одиночества» – автобиография И.С. Кона. Первая публикация в 2008 г. в издательстве «Время», Москва.

³ Мариинский Посад – город в Чувашской Республике. Название с 1856 г. в честь супруги императора Александра II Марии Александровны.

⁴ «Мое сотрудничество с «Новым миром» началось со статьи «Психология предрассудка» (1966), где я попытался рассмотреть вопрос о природе, социальных истоках и психологических механизмах антисемитизма и вообще этнических предрассудков. Еврейский вопрос и проблема социальных корней антисемитизма волновали меня давно. Мое происхождение – смешанное, фифти-фифти, но и по паспорту, и по воспитанию я был стопроцентно русским, даже православным. Ничего еврейского в нашем доме не было. До самой войны я, в сущности, ничего не знал о евреях. Знал, например, что мой ближайший друг Борис Крайчик – еврей и что его бабушка разделяет «грешное» и «кошерное», но все это не имело ни малейшего значения. В нашей школе такой «проблемы» не было. Впервые я столкнулся с антисемитизмом в эвакуации, во время войны, и с тех пор он сопровождал меня всю жизнь. Собственно говоря, именно антисемитизм сделал меня евреем, хотя, разумеется, неполноценным» [Каждая новая публикация поднимала планку возможного // <http://sexology.narod.ru/publ031.html>].

до рукоприкладства не доходило. Моему школьному другу Борису Крайчику¹ в уральском Березовске приходилось значительно хуже.

В городе стояла непролазная грязь, идти до школы было неблизко, а на ногах были дырявые ботинки на деревянной подошве. Сначала я старался идти осторожно, чтобы не промочить ноги, но грязная холодная жижа понемногу все-таки проникала внутрь. Это было очень противно, и я стал делать иначе: прямо у дома становился обеими ногами в лужу, после чего терять было уже нечего и можно было идти быстро, не глядя под ноги. Думаю, что это был правильный способ. Организм знал, что болеть нельзя, и держался. Тем не менее летом 1942 г. я подцепил какую-то непонятную болезнь крови: от укусов заволжских мух на ногах возникли трофические язвы, почти до кости, их следы сохранялись лет 30, если не больше.

Но в детстве все переживается легко. В победе над немцами, хотя они были практически рядом, мы не сомневались ни секунды, работали в колхозе, собирали металлолом и т. д. С последней темой связано мое первое напечатанное стихотворение, первый литературный гонорар (3 рубля) и первый конфликт с редактором. Стихи начинались так:

Цветные металлы нужны для страны,
На танки, на пушки, на пули.
Весь лом металлический сдать мы должны,
А всюду ли мы заглянули?²

Когда районная газета вышла, я с ужасом обнаружил, что «пули» заменили на «снаряды». Пошел выяснять отношения с редактором, объясняя ему, что «пули» и «заглянули» рифмуются, а «снаряды» – нет. Кроме того – размер. Но редактор меня не понял, сказал, что пули никуда заглядывать не могут, а для снарядов металла нужно больше.

Чтобы получить бесплатное жилье, мама ушла из больницы и устроилась работать комендантом учебного корпуса Чувашского госпединститута³. Это открыло передо мной двери богатой институтской библиотеки. Никогда в жизни я не читал так много и продуктивно, как в 6 – 7 классах. Интересным было и неформальное общение с институтскими преподавателями. В 7-м классе я каким-то образом подсчитал, что, даже ничего больше не делая, человек за всю жизнь не сможет прочитать больше 10 – 12 тысяч книг, и очень расстроился. Слепой доцент-историк Георгий Иванович Чавка⁴ объяснил мне, что все не так страш-

---

¹ Крайчик Борис Захарович (1928 года рождения) – инженер, участник литературных объединений, автор детской повести «Что случилось в Эрмитаже».

² Стихотворение ученика седьмого класса Мариинско-Посадской средней школы Игоря Кона «Сдай металл!» опубликовано в районной газете «Ударник» в номере 59 (999). Полный текст: Цветные металлы нужны для страны. / На танки, на пушки, на снаряды. / Весь лом металлический сдать мы должны. / И всюду ли мы заглянули? / Попробуй, внимательно все обойди, / найдешь ты кастрюлю и ложку, / поломанный чайник, худой самовар, / гвоздей и болтов понемножку / игрушечный ломаный автомобиль / и два-три проржавевших таза. / Неси же скорее весь этот утиль / и сдай на утильную базу.

³ Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева – первое высшее учебное заведение Чувашской Республики. Основан в 1930 г. В годы эвакуации И.С. Кона институт находился в г. Мариинский-Посад.

⁴ Чавка Георгий Иванович (1911 г. р.) – кандидат исторических наук, доцент. Уроженец Украины. Окончил Московский государственный педагогический институт. С августа 1941 г. исполнял обязанности доцента кафедры всеобщей истории Чувашского государственного педагогического института. В 1965 г. избран

но, многие книги можно читать не подряд, а выборочно, а так как школьную программу я явно перерос, подсказал идею сдать экзамены за старшие классы экстерном, что я и сделал, став в 15 лет студентом истфака. Кроме обязательных предметов, я параллельно занимался тремя иностранными языками, составлял собственные 4-язычные словари и т. д. В дальнейшем все это пригодилось. Осенью 1944 г. мы вернулись в Ленинград, где я продолжил образование на истфаке Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена».

И. СОРОКИН

Тайный народ¹

Только не чувашка

Ну, уж точно, не чувашка. Они хоть тоже маленького росточка, и, возможно, у них такие же голубые прожилки на тонкой шее, но показывать ноги мужчинам чувашкам непозволительно и стыдно. У них даже просто ходить босиком – особенный грех.

Женщины-рыбы

Чувашские женщины – рыбы. Они носят чешую. Из монет. Ожерелья, серьги, монисто, шапочки-шлемы – все связано и унижено монетами различной величины, речным жемчугом, бисером.

Предисловие и комментарии Э.В. Фомина.

доцентом Горловского педагогического института. Дальнейшая судьба неизвестна (см.: Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева: история, структура, ученые / Чуваш. гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2000. – С. 349 – 350).

¹ Сорокин, И. Тайный народ / Игорь Сорокин // terra финно-угрия (литературный иллюстрированный альманах «дирижабль»). – 2008. – Вып. 13. – С. 28 – 30.